УДК 930.2
DOI: 10.24411/2311-603X-2020-00014

О. А. Махмудов

«По Памирам... на ангельских высотах...»: Андрей Евгеньевич Снесарев о Памире и памирцах

Последней территорией Средней Азии, вошедшей в состав и зону влияния Российской империи, был Памир и Припамирье. Произошло это в результате так называемых «памирских походов» 1891–1894 гг.[1] В 1895 г. между Россией и Англией было заключено «памирское разграничение». В 1896 г. западнопамирские владения Шугнан, Рушан и Вахан, которые после «памирских походов» были подчинены Российской империи, были переданы ею по политическим соображениям Бухарскому эмирату[2] взамен переданного Афганистану принадлежащего Бухаре Южного Дарваза, что привело к тяжелым для местного населения последствиям и создало проблемы для значительной части российского колониального чиновничества Туркестана. Находившийся здесь Памирский отряд явился настоящей кузницей военно-научных и интеллектуальных кадров российской армии и науки. В разные годы здесь побывали и служили Н. Н. Юденич, Э. К. Кивекэс, И. Д. Ягелло, Н. Л. Корженевский, А. Г. Серебренников, А. Е. Снесарев, Б. Л. Громбчевский и др.

Представляется чрезвычайно интересным и важным понять, «что» и «как» видели эти представители российского военного сословия на «памирской окраине» Империи, как они представляли статус и значение этого нового пространства. Насколько было глубоко знание об этой части империи, и было ли оно вообще, как оно накапливалось и какие принимало формы. Было ли оно сходно

с другими знаниями о Востоке? Каковы позитивные или негативные восприятия и репрезентации пространства, жителей, природы и других ее составляющих? В каких контекстах существовало, воспринималось и применялось «колониальное знание», каковы его действительные формы и пр.

Следует отметить, что как многочисленные экспертные записки, доклады, отчеты, рапорты, письма и т. д., хранящиеся в различных архивах, так и опубликованные работы военных (как и гражданских) чиновных «знатоков края», демонстрируют подтверждение идеи Эдварда Саида об инструментализации знания. То есть оно становилось инструментом для укрепления власти империи в своей колонии. Параллели можно найти в методах англичан, которые использовали для укрепления своего владычества в Индии знания о местных формах и связях[3]. Таким образом, «колониальное знание» является чисто европейской конструкцией.

Было бы весьма важно ответить на вопрос: можно ли применить к оценкам российских военных, служащих на далекой «окраине» Империи, уже достаточно модные (но тем не менее актуальные) характеристики саидовского «ориентализма»? Как оценивать с этой же точки зрения статус «колониального эксперта»? Само собой разумеется, ответы на все эти вопросы неоднозначны.

Ниже я попытаюсь внести некоторые дополнения в довольно активно дискутируемый в последнее время вопрос по поводу возможности применения идеи Э. Саида о формах и задачах «знания» на службе у колониальной империи (на основе концепта Мишеля Фуко «знание и власть»). На осторожном использовании этой теории в случае Российской империи настаивал Натаниэль Найт[4], которому в довольно резкой форме возразил Адиб Халид[5]. Эта дискуссия уже достаточно подробно обсуждена в научной литературе[6].

В данной статье мы рассмотрим этот вопрос на примере такого выдающегося военного мыслителя и геополитика, как Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937), не раз бывавший на Памире и занимавший должность начальника Памирского отряда в 1902–1903 гг. Ему принадлежит целый рад трудов, полностью или частично посвященных Памиро-Гиндукушскому региону. Кроме того, в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан (далее — ЦГА РУз) и Российском государственном военно-историческом архиве (далее — РГВИА) содержится значительное количество документов, посвященных пребыванию и деятельности А. Е. Снесарева на Памире, имеющих большое значение для изучения его отношения и представлений о Памире, памирцах и бухарской администрации в западнопамирских владениях.

Биография А. Е. Снесарева достаточно подробно освещена в ряде публикаций[7]. Достаточно сказать, что после окончания основного и дополнительного курсов Академии Генерального штаба, 2 июня 1899 г. он был произведен в штабс-капитаны, и причислен к Генеральному штабу. Затем А. Е. Снесарев был направлен в командировку в Индию с последующим прохождением служ-

бы в Туркестане[8]. 13 июля 1899 г. А. Е. Снесарев прибыл в Ташкент[9]. А с 29 июня 1899 по 17 февраля 1900 г., согласно послужному списку, он находился в командировке в Индии[10], во время которой он впервые, хоть и проездом, побывал на Восточном Памире. Возвратясь в Ташкент, Снесарев довольно быстро заслужил репутацию «знатока» и «интеллектуала», стал членом Туркестанского отделения ИРГО, где выступал с докладами, в том числе и по Памиро-Гиндукушскому региону и его населению.

В 1901 г. А. Е. Снесарев вошел в состав комиссии для оценки состояния построек Памирского отряда и дорог на Памире и выработки плана мероприятий по их улучшению. На него возлагалась задача по стратегической оценке положения Памирского отряда. С конца мая по июль 1901 г. Снесарев вместе с рекогносцировочной партией, проследовав через весь Восточный и Западный Памир, достиг Хорога. Пробыв здесь около двух недель, он собрал географический и статистический материал о Памире, а также изучил особенности организации разведки в Памирском отряде.

В 1902 г. А. Е. Снесарев был назначен начальником Памирского отряда. 5 июля вместе с основной частью сменного отряда он выступил на Памир и 23 июля прибыл в Хорог, где принял отряд у капитана Э. К. Кивекэса[11]. У Снесарева еще во время его первой обстоятельной поездки на Памир, в 1901 г., сложилось весьма благоприятное отношение к населению Памира. Например, в письме к своей сестре Клавдии Евгеньевне Комаровой от 5 июня 1901 г. он писал следующее: «В долине Пянджа знакомился с таджиками, [которые] являются наиболее чисто сохранившимися арийцами: некоторые их слова так напоминают некоторые наши, или немецкие, или французские слова, что просто поражаешься»[12].

Письма к сестре это весьма важный, а часто и единственный источник относительно многих моментов жизни и взглядов А. Е. Снесарева. Вот еще один любопытный пассаж из этого же письма, характеризующий первое впечатление от увиденного им на Памире: «Тут такая масса неожиданностей, сказаний, легенд, оригинальных сближений, что при моей пытливости и фантазии — образов и картин (внешних и духовных) не оберешься. Какой интересный народ, сколько поэзии, какие причудливые ландшафты!» Это, несколько поэтическо-романтическое отношение Снесарева к Памиру выражено и в такой фразе из другого письма от марта 1900 г. к сестре о том, что он вскоре будет ехать на коне «...по Памирам... на ангельских высотах...».

Из этих высказываний видно, что восприятие А. Е. Снесаревым Памира и его жителей в значительной мере романтически-восторженное. Люди, с которыми он встречался, вызывают в нем чувство приязни и даже чего-то родного. Ведь не случайны эти его слова о «чистом арийском племени». Несомненно, Андрей Евгеньевич разделял распространенную в России во второй половине XIX — начале XX в. в образованных кругах теорию об «арийском» происхождении славянства и Памире как прародине «арийцев»[13]. Стоит отметить, что

такой положительный взгляд («благородный дикарь») был популярен в Европе еще с конца XVIII в. и также был частью «ориенталистских» представлений. Это, в частности, отмечал и Эдвард Саид, утверждая, что описание отрицательных или «экзотических» качеств подчиненных народов должно было оттенить, возвысить положительные качества завоевателей[14]. Имперские «искатели знаний», в соответствии со взглядами своей эпохи на «инородцев», не ощущали противоречия в своих оценках «других/чужих», при этом превознося, в своем большинстве, личное «благородство цивилизованного человека». Естественно, они продолжали руководствоваться своими представлениями и этическими нормами, характерными для их времени и общества.

Но у А. Е. Снесарева есть и другие строки, выдающие его «ориенталистское», хотя всё же скорее положительное отношение «европейца» к «туземцам». Так, он писал: «Наше общество и люди, с которыми мы имеем дело, без исключения халатники; они часто обедают у нас, пьют чай, и круг наших бесед и тем составляет нечто среднее арифметическое между тем, что интересует нас, памирцев[15], и наших оригинальных посетителей; применять русский язык возможно лишь при помощи переводчиков, почему часто пускается в ход язык тюркский, а в иных (правда, редких) случаях и персидский»[16].

Другой работой А. Е. Снесарева, посвященной Памиру, является «Краткий очерк Памира», опубликованный в 1902 г.[17] Она весьма суха, малоэмоциональна, это публикация, предназначенная для служебного пользования. Несмотря на это, видно, что Снесарев ярый сторонник включения Западного Памира в состав Российской империи. Это пожелание выражено, правда, в рационалистической форме и духе поиска выгоды для имперских интересов России в регионе, поскольку только такие аргументы, а не морализаторство, могли побудить высшую российскую власть к избавлению жителей Западного Памира от бухарского управления: «Население Памира исповедует одну религию, магометанскую, но таджики принадлежат к шиитскому толку[18], тогда как киргизы — сунниты. Первые отличаются полным индиферентизмом к религиозным вопросам; нет признаков о существовании фанатизма и среди вторых... К русским таджики[19] много раз доказывали свое расположение».

А. Е. Снесарев осторожно высказывал мысль (прямо не критикуя решение о передаче западнопамирских владений под власть Бухарского эмирата, но намекая на неудачность этого решения, вызвавшего постоянные разногласия между местным населением и чинами Памирского отряда с одной стороны и бухарской администрацией с другой), что «присоединение малодоходных областей Шугнана и Рошана к России, за соответствующее небольшое вознаграждение Бухарского эмира, может принести нам (России. — *О. М.*) большую пользу»[20]. Он откровенно проявлял себя сторонником установления на Западном Памире власти России.

Более открыто эта позиция А. Е. Снесарева проявилась в таком очень интересном, важном и показательном документе, как составленная им на имя Турке-

станского генерал-губернатора Н. А. Иванова записка «О Памирах». Она была написана им по итогам поездки на Памир в 1901 г.[21] В этой записке он подробно разбирал природно-климатические условия и различные стороны российского управления Памиром, разведывательную деятельность Памирского отряда, жизнь, службу и быт его чинов, пытался обосновать, почему Россия должна «изъять» западнопамирские владения из-под власти Бухарского эмирата.

Его как будто возмущает «обычное в политической жизни пожертвование судьбой или благами небольших народных групп в пользу интересов более общих и крупных»[22]. Конечно же, здесь имеется в виду проведение границы российских и афганских владений по итогам «памирского разграничения» 1895 г., заключенного между Россией и Англией, и последующая передача территории Западного Памира Бухарскому эмирату как вознаграждение за утрату Запянджского (южного) Дарваза, отошедшего Афганистану. Довольно твердо обращаясь к высшим колониальным и имперским властям, Снесарев вопрошал: «Если управление бухарцев ведет лишь население к нищете, нравственной распущенности и не в состоянии выполнять удовлетворительно никаких обязанностей, со властью связанных, то позволительно ли население приносить в жертву каким бы то ни было соображениям, удерживая в таком отрицательном положении? Если, с другой стороны, само население враждебно к бухарцам, то трудно предусмотреть те осложнения, которые могут создаться; при такой ненависти трудно рассчитывать на удачу бухарского управления, если бы оно оказалось даже доступным исправлению»[23].

Обосновывая, почему еще Россия должна забрать у эмира (к которому он относится с заметной долей презрения и небрежения истого «ориенталиста»), западнопамирские владения, он писал: «...сомнительно, чтобы мы не допускали ошибки, спускаясь до азиатского взгляда на группы народные, как на личную собственность эмира или беков, трактуемые исключительно с хозяйственной точки зрения. Само поведение эмира в вопросе настолько обнаружило узкую жадность, интриганство, противоречивость в доводах и невнимательное отношение к своим собственным словам и желаниям (и это в вопросе государственном), что жалкие торгашеские мотивы его притязаний стали вне сомнений. Беспокойство относительно эмира дошло до того, что стали даже сомневаться, какой предлог придумать, чтобы взять от него ханство. Казалось бы, что вековая практика англичан в Индии доказала, что это дело совсем пустое и над ним совсем не стоит задумываться»[24].

Следует отметить, что отрицательное отношение А. Е. Снесарева к бухарской власти и ее деятельности на Западном Памире открыто проявлялось и выражалось практически во всех рапортах, донесениях и экспертных записках, посылаемых им начальству в бытность на должности начальника Памирского отряда. В своих донесениях Снесарев описывал многочисленные злоупотребления, незаконные поборы, издевательства и пр. бухарской администрации, особенно со стороны вновь назначенного бека Мирзы Юлдаш-бия Дадха.

Осознавая резкую разницу в религиозных воззрениях памирцев и жителей остальной Средней Азии, А. Е. Снесарев предлагал опереться на памирских исмаилитов для «устранения суннитской пропаганды и покровительства преобладающего среди туземцев мусульманского толка»[25]. Конечно, эти представления Снесарева были отражением общего антимусульманского настроя большинства военных и гражданских чиновников в Туркестане, стремлением найти опору колониальной власти в лице тех из местных жителей, кто, по его мнению, также испытывает враждебность к суннитам, а именно в лице памирских исмаилитов. Другой вопрос, насколько это было реально и обоснованно.

В одном из рапортов военному губернатору Ферганской области от 16 октября 1902 г. А. Е. Снесарев не без некоторого черного юмора описывал разницу между предыдущим бухарским беком Ишанкулом, снятым с должности по настоянию российской администрации за злоупотребления против подчиненного местного населения усилиями нескольких начальников Памирского отряда и новым беком Юлдаш-бием: «Отношение нынешнего бека к подчиненному ему народу разнится от отношения прежнего бека тем, что последний или теснил поборами, или наказывал розгами, но почти никогда не совмещал этих двух наказаний: нынешний же бек их совмещает: провинившихся бьет розгами. А потом с них же за ту же вину берет штраф»[26]. То есть, по мнению А. Е. Снесарева, без разницы, кто из бухарских чиновников будет назначен управлять западнопамирскими владениями. Все они одинаково будут плохи для местного населения и различия между ними незначительны.

А. Е. Снесарев постоянно стремился «отметить резко враждебные для русских направления деятельности со стороны бухарцев». Делал он это, так как вполне осознавал, что сами по себе сообщения о злоупотреблениях и утверждения относительно враждебности русской власти недостаточно убедительны для высших властей Туркестана. Поэтому Андрей Евгеньевич пытался воздействовать на свое начальство сообщением, что незаконные поборы, система наказаний, «фанатические выходки» очень «тяжело отзываются на народе» и что местные жители, чтобы избежать дальнейших поборов и злоупотреблений бухарских чиновников, ждут «лишь спада вод на Пяндже, чтобы бежать в Афганистан»[27]. Всем этим он хотел убедить колониальные и имперские власти в возможности и опасности утери Российской империей «престижа» в глазах «азиатов» как потенциальных союзников (а возможно, и подданных) против англичан и других возможных соперников в регионе, а также в вероятности затруднений из-за действий бухарской администрации в обеспечении продовольствием западных постов Памирского отряда, которое и так весьма проблематично.

В начале 1903 г. эмир получил согласие российских властей на начало сбора податей с западнопамирских владений, что при тяжелом положении жителей в результате неурожая и падежа скота А. Е. Снесарев считает «грабительством». Это мнение он опять же пытался обосновать тем, что «если таджики бывших трех ханств побегут на наши Памиры, его только разрушит и надолго

их народное хозяйство, но если Вахан — в прошлом целое государство — бежит весь в Афганистан, это наложит такой позор и печать на русское дело и имя в Средней Азии, ширину и глубину результатов какового несчастья ныне трудно даже и предвидеть»[28]. Для более весомого обоснования своего мнения он в дополнение к своему рапорту прилагает обширную «Весьма секретную докладную записку "Зякет на Западном Памире"»[29].

Для политики российских властей по отношению к западнопамирским владениям Бухарского эмирата было характерно стремление не вмешиваться, чтобы не обременять себя лишними проблемами и перепиской, а также нежелание высших колониальных чиновников раздражать эмира и вызывать новые просьбы к российским властям забрать обратно эти территории. Среди них господствовало абсолютно отстраненное отношение к судьбам и чаяниям жителей Западного Памира. Предпочтение отдавалось «ориенталистскому», отрешенному и высокомерному взгляду на «азиатов» как на людей без чести и совести, не желающих подчиняться своим законным властителям[30].

А. Е. Снесарев, впрочем, как и большинство начальников и чинов Памирского отряда, служивших здесь до и после него, поддерживал местное население в его нуждах, защищал от действий и злоупотреблений бухарской администрации, даже входя в конфликт и вопреки приказам высших представителей российской колониальной администрации Туркестана.

Может возникнуть вопрос: почему же российские военные и гражданские чиновники проявляли такой интерес к Памиру и положению местного населения? Ведь такое же тяжелое и угнетенное положение жителей было распространено по всей территории Бухарского эмирата. Однако российские власти это обычно игнорировали и не вмешивались во внутреннее управление эмирата. Но на Западном Памире эти же самые чиновники вдруг стали проявлять беспокойство о тяжелом положении «туземцев».

Думается, что ответ заключается в новом политическом статусе Западного Памира, ранее никогда не принадлежавшего Бухарскому эмирату. Эта территория, как уже говорилось, в результате «памирских походов» была включена в состав Российской империи, а уже затем передана под власть эмира. После начала конфликтов памирцев и бухарцев именно на Россию легла моральная ответственность за все «несчастья» жителей Памира. Опасаясь негативного влияния на престиж империи в Азии (если памирцы вынуждены будут эмигрировать в Афганистан или Китай), российские власти на Памире встали на сторону местного населения[31].

Этот взгляд на сложившуюся ситуацию разделяет и А. Е. Снесарев. Среди основных ее причин он называл «глубокую ненависть таджиков к бухарцам и невозможность для несчастного народа мириться с той мыслью, что "Белый царь, взявши их, почему-то отдал бухарцам, народу худшему, чем афганцы"»[32]. То же отмечал и дипломатический чиновник А. А. Половцов, побывавший в 1903 г. в командировке на Памире, в своем докладе[33].

Именно в «памирском вопросе» наиболее ярко проявилось «самостоятельное понимание внешнеполитических условий» колониальным чиновничеством, шедшее часто вразрез политике, проводимой центральным имперским правительством. Нельзя исключать и просто человеческого отношения местной русской военной администрации к памирцам, довольно близко соприкасавшимся с ней. Судя по опубликованным запискам и отчетам побывавших на Памире военных и путешественников, русские военнослужащие испытывали к местному населению преимущественно симпатию[34].

Разногласия во взглядах между высшими властями Туркестана и А. Е. Снесаревым были столь остры, что доходило до возможности, по его словам, «быть прогнанным» с Памира. Естественно, местные жители видели, что начальник Памирского отряда, несмотря ни на что, стремится защитить их от произвола бухарской администрации, что, несомненно, способствовало большой его популярности здесь. Вот что А. Е. Снесарев 5 октября 1902 г. писал своей сестре: «Среди волнений и невроза моим утешением является отношение ко мне народа; теперь он перестал меня дичиться и, если я еду верхом или гуляю, он приветствует меня. Улыбается и всеми сторонами говорит о преданности. Иной даст 2–3 яблока, другой поднесет цветы, один бедняк дал какую-то маленькую тыкву, а один дал мне недоеденную лепешку… Еще более трогают меня дети, эти прежние дикие зверьки: они бегут мне навстречу, смеются, несут что-либо — чаще цветы, а еще чаще — веселый поклон… Я чую, что если вылечу отсюда, то это именно за этот забитый, несчастный народ, за [который] я уже грызся с беком, ругал его чиновников и за [который] буду стоять, что бы мне ни стоило». Тоже, по сути, вполне «ориенталистский», хотя и положительный в целом текст.

Последней работой, которую уместно здесь рассмотреть, является «Религия и обычаи горцев Западного Памира» (1904)[35]. Это сочинение по своей цели и задачам представляет собой скорее этнографическое обозрение популярного характера. Основным объектом его исследования выступают жители Западного Памира и Припамирских владений, исповедующие исмаилизм. Публикуя свой труд в газете «Туркестанские ведомости», А. Е. Снесарев редуцировал свой взгляд и ориенталистский словарь. Это наложило отпечаток на характер и способ подачи материала автором. Работа написана в научно-популярном стиле (если пользоваться современными классификациями), что, впрочем, являлось довольно частым явлением в то время при публикации описаний путешествий.

Для современных исследователей наибольший интерес представляют описания современных автору религиозных воззрений и обычаев местных жителей, многие из которых за последние сто лет исчезли или претерпели значительные трансформации. В небольшой, но важной части труда А. Е. Снесарева описываются жители Западного Памира. Его взгляд автора на памирских «туземцев» отличается заметной симпатией. Он видит в них людей, по своей природе «родственных европейцам», с которыми наблюдается общность слов, ска-

заний и даже мотивов песен. Это мнение автора, скорей всего, связано с уже упоминавшейся выше теорией «арийской прародины» славянства. Этой же «европейской родственности», на взгляд Снесарева, соответствуют такие черты природного характера памирцев, как даровитость, энергичность и предприимчивость. Но Андрей Евгеньевич считал, что все эти «благие стороны характера» памирцев сводятся на нет приверженностью к гонимому суннитами учению исмаилитов. Такие обстоятельства вынудили «таджика» сделаться «фальшивым и недоверчивым, скупым и льстецом».

По наблюдению автора, при общении с «таджиками» отношение к ним может меняться кардинально. А. Е. Снесарев писал, что первое впечатление от памирца благоприятно — «он в высшей степени услужлив и приветлив, скромен и поэтичен». После более тесного общения на поверхность выступают его «непривлекательные стороны». Тем не менее Снесарев проявляет замечательную проницательность. Ему удалось разглядеть за всеми этими масками внутренний мир памирца. Он увидел в нем «дарование и энергию, гибкость ума и поэтичность натуры, способность к толкам и сложным впечатлениям». Но несмотря на все эти достоинства, «трусливость и скаредность, скрытность и фальшь» памирца не позволяют, на взгляд Снесарева, полностью и искренне чувствовать расположение к нему. Такие описания вновь выдают ориенталистское восприятие «азиатов», господствующее в мировоззрении автора. Избавиться от этого восприятия ему так и не удалось, несмотря на всю свою симпатию к «таджикам» и исследовательский пыл.

Памир воистину был местом, куда привлекались наиболее способные и творческие военные кадры Туркестанского генерал-губернаторства. Они здесь не просто служили. Они всячески стремились укрепить могущество Российской империи в Азии. Делали они это теми способами, которые считали наиболее правильными и эффективными. На Памире это, по их мнению, была защита местного населения от произвола и злоупотреблений бухарской администрации на территории западнопамирских владений, входивших в состав Бухарского эмирата. Население Памира воспринималось не как некие чужаки-азиаты, а как даже родственный русским-славянам народ — арийцы, а Памир — как общая прародина славянства. Это подчеркивали многие исследователи, путешественники и чиновники, побывавшие и служившие здесь.

Еще одним важным моментом особого, отличного от отношения к остальным народам Туркестанского края был исповедуемый местным памирским населением исмаилизм, воспринимавшийся остальным суннитским населением как еретическое учение, а исповедующие его памирцы — как кафиры-неверные. В то время среди значительной части российского колониального общества и чиновничества существовало восприятие суннитского ислама как перманентно враждебного власти Российской империи. Исмаилиты же для многих представителей российской колониальной власти на Памире представлялись

как в основном лояльные и благорасположенные к России, как потенциальные союзники. Особенно актуальным это казалось в связи с широким распространением исмаилизма на территории прилегающих к Памиру Гиндукушских владений, находящихся под влиянием и управлением Англии, где у памирских исмаилитов имелись родственники и другие связи.

Кроме того, на мой взгляд, одним из важнейших определяющих факторов исключительности и «окраинного» характера этих областей, несомненно, является горный рельеф региона, его труднопроходимость, а значит, известная изолированность. Другим, несомненно, важнейшим фактором, о чем уже упоминалось, стала религиозно-культурная принадлежность большинства жителей этого региона к исмаилизму, который здесь приобрел своеобразные и во многом уникальные черты. С религиозной принадлежностью, возможно, связаны и многие особенности ментальности, характера и психологии населения региона, резко отличающие его от жителей других областей Центральной Азии. Методы и приемы колонизации, применяемые на других колонизируемых территориях, в условиях Памиро-Гиндукушского региона были мало приемлемы или почти полностью исключены, что было связано как с факторами рельефа, труднодоступностью и религиозной принадлежностью, так и со стратегическим расположением региона. Кроме того, следует учитывать тот факт, что Западный Памир формально не являлся частью Российской империи, хотя фактически состоял под ее управлением. Этот регион находился на перекрестке трех империй — Российской, Британской и Китайской. Поэтому Россия видела в нем не регион для эксплуатации, а скорее плацдарм для внешнего общения и давления. Понятно, что и отношение ее к западнопамирским владениям было более позитивным. Вышесказанное касается как системы управления и администрации, так и налогообложения, а также отчасти и религиозной политики России в регионе. Первоначальное игнорирование империей этих особенностей было чревато тяжелыми и неприятными последствиями, в чем она и убедилась на собственном опыте.

В значительной мере через все вышеописанные представления и стереотипы и происходило формирование представлений о памирском регионе и его населении у российских военных и чиновников, служивших и бывавших на Памире. И Андрей Евгеньевич Снесарев не стал исключением.

Важность Памирского региона, восприятие местного населения как близкого к славянам-русским, неприятие методов управления и самих чинов бухарской администрации, воспринимавшихся А. Е. Снесаревым как более низкие в моральном плане, чем жители Памира, и т. д. — всё это красной нитью проходит как через большинство его печатных трудов о регионе, так и через сохранившиеся архивные документы, принадлежащие его перу.

Андрей Евгеньевич воспринимал установление административного управления на Западном Памире как величайшее благо как для империи, так и для самих памирцев. Несомненно, А. Е. Снесарев «ориенталист» в саидовском

смысле, но не-«ориенталистов» в то время просто не могло быть. Другое дело, что «ориенталистское» восприятие Азии и «туземцев» могло быть положительного или отрицательного характера. В этом смысле все представления Снесарева о памирцах и Памире были «ориенталистского» плана (например, представление о «благородном дикаре» и т. д.), но они, несомненно, носили положительный характер, тогда как в отношении к «туземцам» остальной Средней Азии он разделял в основном все негативные представления и стереотипы российского колониального общества Туркестана.

Вокабуляр А. Е. Снесарева также в значительной мере был традиционно «ориенталистским», обычно также с наличием позитивного взгляда на «туземцев» Памира. Он отчасти использовал устоявшиеся традиционные словесные штампы и обороты (например, «азиаты», «халатники» и т. д.) возможно, даже не задумываясь об их первоначальном (внутреннем) негативном содержании и вкладывая в них свое собственное ви́дение, само собой, позитивное с его точки зрения. Но А. Е. Снесарев всё же пытается преодолеть негативное восприятие «других / чужого». Однако эта попытка «очеловечить» взгляд на «туземцев» не имела особого успеха. Он был одним из тех имперских чиновников и военных, которые стремились поставить научное знание на службу империи, частью которой они себя воспринимали. Вокабуляр европейского ориентализма часто заменялся им на более нейтральные и даже позитивные способы описания, но, тем не менее, «ориенталистское мировосприятие» им так и не было преодолено.

---

1 Подробнее о них см.: *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. С. 391–404; *Искандаров Б. И.* Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.: В 2 ч. Душанбе, 1962. Ч. I. С. 281–293. Также см.: *Тагеев Б. Л.* Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире. СПб., 1900 и др.

2 Подробнее об этом см.: ЦГА РУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 104–117.

3 См.: *Bayly Ch.* Empire and Information. Intelligence gathering and social communication in India 1780–1870. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

4 *Knight N.* Grigor'ev in Orenburg: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. 2000. Vol. 59, N 1. P. 74–100; *Найт Н.* О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 323–343.

5 *Халид А.* Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 310–322.

6 См.: *Тодорова М.* Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 344–359; *Абашин С. Н.* В. П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...». Кризис ориентализма в Российской империи? // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Омск, 2005. С. 43–97; *Горшенина С.* Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или Войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 211–215; *Абашин С. Н.* Остроумов и ориентализм // Там же. С. 51–55 и др.

[7] Подробнее о жизни и дельности А. Е. Снесарева см.: Андрей Евгеньевич Снесарев. Сборник статей. М., 1973; Афганские уроки. Выводы для будущего в свете идейного наследия А. Е. Снесарева / Сост. А. Е. Савинкин. М., 2003; *Цамутали А. Н.* А. Е. Снесарев — исследователь Индии // Санкт-Петербург — Индия. История и современность. СПб., 2009. С. 250–266; *Белоголовый Б. Г.* «Один из нас». Кн. 1 / Союз писателей России. М., 2013; *Басханов М. К.* «У ворот английского могущества»: А. Е. Снесарев в Туркестане, 1899–1904. СПб., 2015 и др.

[8] *Басханов М. К.* «У ворот английского могущества». С. 19–20. Также см.: РГВИА. Ф. 401. Оп. 5 (1898 г.). Д. 76. Л. 78 об.

[9] *Снесарева Е. А.* Путешествие А. А. Снесарева в Индию в 1899 г. // Российские путешественники в Индии. XIX — начало XX в. Документы и материалы. М., 1990. С. 235; РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1736. Л. 14.

[10] *Басханов М. К.* «У ворот английского могущества». С. 21.

[11] РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1456. Л. 11.

[12] Письмо 5 июня 1901 г. Все приводимые здесь и далее цитаты из писем А. Е. Снесарева см.: http://www.snesarev.ru/pisma_1899-1904.pdf (дата обращения 10.08.2019). В дальнейшем все ссылки на письма А. Е. Снесарева см. там же. Это сравнение вполне гармонирует, например, с впечатлением о памирцах участника «памирских походов» Б. Л. Тагеева, писавшего, что «речь ваханцев до того мелодична и они так приятно владеют языком, что мне казалось, что предо мною одичалые французы, и только хорошо вслушавшись, я различил азиатское наречие» (*Тагеев Б. Л.* Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире. СПб., 1900. С. 279). Также см.: *Махмудов О. А.* «Одичалые французы» Памира. Население Памира и припамирских владений глазами русских военных и исследователей // CIAS Discussion Paper (Kioto). 2013. N 35. С. 67.

[13] Наиболее четко эти взгляды проявились во многих трудах такого русского философа, как Н. Ф. Федоров. См.: *Федоров Н. Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. М.: Традиция, 1997. Т. III. Интересно, что и некоторые современные российские авторы разделяют эту теорию: *Горненский И.* Легенды Памира и Гиндукуша. М., 2000. С. 35. Также см.: *Ларюэль М.* Умозрительная Центральная Азия: поиски прародины арийцев в России и на Западе // Вестник Евразии. 2003. №. 4. С. 155–165 и др.

[14] *Саид Э.* Ориентализм. СПб., 1995. С. 179–181, 263–308.

[15] Здесь А. Е. Снесарев имеет в виду русских военных, служащих в Памирском отряде.

[16] *Снесарев А. Е.* Зима на Памире // Туркестанские ведомости. 1902. № 103.

[17] [*Снесарев А. Е.*] Краткий очерк Памира (по сведениям к 15 сентября 1901 г.) // Добавления к Сборнику материалов по Азии. 1902. № 7. С. 2–51. В тексте нигде не указано имя автора.

[18] Имеется в виду исмаилизм.

[19] Под этим названием у А. Е. Снесарева фигурируют представители памирских народов.

[20] [*Снесарев А. Е.*] Краткий очерк Памира. С. 21–24.

[21] [*Снесарев А. Е.*] О Памирах // Басханов М. К. «У ворот английского могущества». С. 233–304.

[22] Там же. С. 267.

[23] Там же. С. 272.

[24] Там же. С. 274.

[25] [*Снесарев А. Е.*] О Памирах. С. 280.

[26] ЦГА РУз. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 965. Л. 36.

[27] Там же. Л. 37 об.

[28] Там же. Л. 117 об.

[29] Там же. Л. 97 — 102 об., 104–109. Записка «Зякет на западном Памире» опубликована Н. А. Халфиным: [*Снесарев А. Е.*] Докладная записка капитана генерального штаба А. Е. Снесарева о Зякете на Западном Памире // Халфин Н. А. Россия и Бухарский эмират. С. 81–90.

[30] ЦГА РУз. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 965. Л. 94 — 94 об.

[31] *Махмудов О. А.* Исма'илизм в Центральной Азии: сущность, особенности развития и формы существования (середина XIX — начало XX века). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2011. С. 25.
[32] ЦГА РУз. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 965. Л. 116.
[33] ЦГА РУз. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 169. Л. 3 об.
[34] *Махмудов О. А.* «Одичалые французы» Памира. С. 70. Интересно, что у англичан в Индии также бытовали подобные представления о горцах как о более «искренних» и требующих защиты. Напр., см.: *Kennedy D.* Guardians of Edenic Sanctuaries: Paharis, Lepchas and Todas in the British mind // South Asia. 1991. Vol. 14.
[35] *Снесарев А. Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира // Туркестанские ведомости. Ташкент, 1904. № 89–93.

References

ABASHIN S. N. *V.P. Nalivkin: "...budet to, chto neizbezhno dolzhno byt'; i to, chto neizbezhno dolzhno byt', uzhe ne mozhet ne byt'...". Krizis orientalizma v Rossiyskoy imperii?* [In Russ.] // Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sbornik nauchnykh statey. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. V. Remneva. Omsk, 2005.

ABASHIN S. N. *N. Ostroumov i orientalizm* [In Russ.] // Vostok Svyshe. 2014. Vyp. XXXII.

BOBROVNIKOV V. O. *Orientalizm v literature i politike na rossiyskom Kavkaze XIX v.* [In Russ.]. http://bs-kavkaz.org/ (date of access 12.07.2019).

BASKHANOV M. K. *"U vorot angliyskogo mogushchestva": A.E. Snesarev v Turkestane, 1899–1904.* [In Russ.]. St. Petersburg, 2015.

BAYLY CH. *Empire and Information. Intelligence gathering and social communication in India 1780–1870.* Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

GORSHENINA S. *Izvechna li marginal'nost' russkogo kolonial'nogo Turkestana, ili Voydet li postsovetskaya Srednyaya Aziya v oblast' post-issledovaniy* [In Russ.] // Ab Imperio. 2007. N 2.

ISKANDAROV B. I. *Vostochnaya Bukhara i Pamir vo vtoroy polovine XIX v.*: V 2 ch. [In Russ.]. Dushanbe: AN Tadzh. SSR, 1962.

KHALID A. *Rossiyskaya istoriya i spor ob orientalizme* [In Russ.] // Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Moscow, 2005.

KHALFIN N. A. *Prisoyedineniye Sredney Azii k Rossii (60–90-ye gody XIX v.).* [In Russ.]. Moscow, 1965.

KNIGHT N. *Grigor'ev in Orenburg: Russian Orientalism in the Service of Empire?* // Slavic Review. 2000. Vol. 5, N 1.

LARYUEL' M. *Umozritel'naya Tsentral'naya Aziya: poiski prarodiny ariytsev v Rossii i na Zapade* [In Russ.] // Vestnik Evrazii. 2003. N 4.

NAYT N. *O russkom orientalizme: otvet Adibu Khalidu* [In Russ.] // Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Moscow, 2005.

REMNEV A. V. *U istokov rossiyskoy imperskoy geopolitiki: aziatskiye "pogranichnyye prostranstva" v issledovaniyakh M. I. Venyukova //* Istoricheskiye zapiski. Moscow, 2001. T. 4 (122).

SAID E. *Oriyentalizm.* [In Russ.]. St. Petersburg, 1995.

SNESAREV A. E. *Zima na Pamire* [In Russ.] // Turkestanskiye vedomosti. 1902. N 103.

[SNESAREV A. E.] *Kratkiy ocherk Pamira (po svedeniyam k 15 sentyabrya 1901 g.)* [In Russ.] // Dobavleniya k Sborniku materialov po Azii. 1902. N 7.

[SNESAREV A. E.] *O Pamirakh* [In Russ.] // Baskhanov M. K. "U vorot angliyskogo mogushchestva": A. E. Snesarev v Turkestane, 1899–1904. St. Petersburg, 2015.

[SNESAREV A. E.] *Dokladnaya zapiska kapitana general'nogo shtaba A. E. Snesareva o zyakete na Zapadnom Pamire* [In Russ.] // Khalfin N. A. Rossiya i Bukharskiy emirat na Zapadnom Pamire. Moscow, 1975.

SNESAREV A. E. *Religiya i obychai gortsev Zapadnogo Pamira* [In Russ.] // Turkestanskiye vedomosti. Tashkent, 1904. N 89–93.

TODOROVA M. *Est' li russkaya dusha u russkogo oriyentalizma? Dopolneniye k sporu Natanielya Nayta i Adiba Khalida* [In Russ.] // Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Moscow, 2005.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

О. А. Махмудов «По Памирам... на ангельских высотах...»: Андрей Евгеньевич Снесарев о Памире и памирцах // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 183–196

Аннотация: В статье проводится анализ взглядов и представлений Андрея Евгеньевича Снесарева на Памир и его население. Всё это показано сквозь призму теории «ориентализма» Эдварда Саида. На основании анализа публикаций и архивных материалов из фондов Центрального архива Республики Узбекистан показано, как Снесарев видел, воспринимал, репрезентировал и относился к Памиру и его жителям. Показаны истоки отношения Снесарева к местному населению, связанного в частности и с «арийской» теорией происхождения славян/русских. Снесарев, активно выступая за установление управления Российской империи на Западном Памире, готов был даже вступать в конфликт с высшими российскими властями Туркестана. Положительное отношение Снесарева к жителям Памира резко контрастирует с отрицательным отношением к бухарским чиновникам. Такая позиция была характерна не только для Снесарева, но и для большинства начальников Памирского отряда как до, так и после него. В статье также показаны особенности Памира и отличия колониальной политики Российской империи от той, что проводилась в остальных частях Туркестана. Изучение публикаций и документов Снесарева позволяет рассматривать его как «ориенталиста». Благодаря этому становятся более понятными и ясными особенности отношения российских военных и чиновников к этому региону и его населению. Это способствует лучшему пониманию отличительных черт политики, проводимой российскими властями на Памире.

Ключевые слова: Памир, А. Е. Снесарев, ориентализм, памирцы, Российская империя, Бухарский эмират, взгляд, репрезентация, восприятие, архивы.

FOR CITATION

O. A. Makhmudov. "Through the Pamirs... at angelic heights...": Andrey Evgenievich Snesarev about the Pamir and pamirians // Petersburg historical journal, no. 1, 2020, pp. 183–196

Abstract: The article analyzes the views and ideas of Andrei Evgenievich Snesarev on the Pamir and its population. All this is shown through the prism of the theory of "Orientalism" by Edward Said. Based on the analysis of publications and archival materials from the funds of the Central Archive of the Republic of Uzbekistan, Snesarev saw, perceived, represented, and related to the Pamir and its inhabitants. The sources of Snesarev's attitude to the local population are shown, which are connected in particular with the "Aryan" theory of the origin of the Slavs/Russians. Snesarev, actively advocating the establishment of the administration of the Russian Empire in the Western Pamirs, was even ready to come into conflict with the highest Russian authorities of the Turkestan. A positive attitude of Snesarev towards the inhabitants of the Pamirs sharply contrasts with a negative attitude towards Bukhara officials. This position was characteristic not only for Snesarev, but also for most of the chiefs of the Pamir detachment, both before and after it. The article also shows the features of the Pamirs and the differences between the colonial policy of the Russian Empire and that carried out in the rest of Turkestan. A study of publications and documents belonging to the pen of Snesarev allows us to see him as an "orientalist", but mostly of a positive plan. Thanks to this, it becomes more understandable and clear features of the attitude of Russian military and officials to this region and its population. This contributes to a better understanding of the distinguishing features of the policies pursued by the Russian authorities in the Pamirs.

Key words: Pamir, A. E. Snesarev, Orientalism, Pamiri, Russian Empire, Bukhara emirate, view, representation, perception, archives.

Автор: **Махмудов, Ойбек Анварович** — к. и. н., докторант Института истории Академии наук Республики Узбекистан.

Author: **Makhmudov, Oybek Anvarovich** — candidate of historical sciences, doctoral student of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

E-mail: oybek81@yandex.ru